

Л.Е.Бляхер РЕВОЛЮЦИЯ «ЗАДНИМ ЧИСЛОМ»

В феврале 2006 г. завершился годичный проект, посвященный анализу понятия и метафоры «революция» в современном политическом дискурсе. В течение года участники проекта пытались ответить на два вопроса: что такое революция, кроме того, что «верхи не могут», а «низы не хотят»? и почему понятия «революция», «революционный» приобрели в последние годы невероятную популярность у самых разных политических сил? Еще пять-шесть лет назад слово «революция» считалось если не откровенно бранным, то, по крайней мере, не «политкорректным». Но сейчас ситуация радикально изменилась. Отечественные интеллектуалы - от Г.Павловского до Б.Кагарлицкого - говорят и спорят о революции. Быть революционером становится модно. В России на это звание претендуют НБП Э.Лимонова, антиглобалисты и многие другие левые (и не очень левые) движения, полностью оттеснившие от «революционного знамени» КПРФ. Нечто подобное происходит и в других странах, где все большую популярность приобретает образ Че Гевары. Идея мировой революции, казалось бы, похороненная еще в середине прошлого века, сегодня всплывает в самых неожиданных местах.

Два раза участники «революционного проекта», как и положено революционерам, собирались на «конспиративной квартире», роль которой с успехом сыграл учебный центр Международного института политики и культуры (п. Черкизово Московской области). Здесь, в стороне от актуальных политических баталий, встречались те, кого А.Филиппов охарактеризовал как «сообщество наблюдателей».

Первый семинар (октябрь 2005 г.) проходил под знаком двух революций - октябрьской в России и «оранжевой» на Украине. Проблема, которую поставил А.Окара, звучала так: как должно измениться течение политического процесса, чтобы его назвали революцией? Почему один политический катаклизм именуют революцией, а другой, очень похожий, - нет? Почему, скажем, президентские выборы 2004 г. на Украине стали «революцией», а не менее бурные события в Москве в 1991 г. - не стали? Ответить на этот вопрос попытался автор этих строк, проанализировав историю метафорических переносов, связанных со словом «революция». Понятие «революция», как и любая политическая метафора, вводится в политический дискурс с целью его дезавуировать. В случае вытеснения неких политических сил за пределы политического пространства любое предпринимаемое ими действие наделяется «именем» с выраженным негативным значением. Чтобы «вернуться», этим силам нужно выстроить альтернативную классификацию (Дж.Лакофф) мира

политики, где именно они окажутся носителями наивысших смыслов и ценностей. Но даже на этом фоне метафора «революция» выделяется. Из всех политических понятий она, как показал Б.Межуев, обладает самой сильной «энергетикой». Еще со времен Великой французской революции в смысловой комплекс, обозначаемый этим словом, входит победоносность. Революция всегда (по определению, вошедшему в семантическую структуру термина) выступает на стороне прогресса против отжившего, мешающего развитию политического строя. Тем самым концепты «заговор», «вражда», «смута» лишаются негативного содержания, становясь «революционной борьбой». Чем более сильный негативный смысл приписывается тому или иному политическому действию, тем выше вероятность, что оно примет название «революция». Советский режим к началу 1990-х годов был дискредитирован настолько, что в слове «революция» просто не было нужды.

Своеобразие рецепции понятия «революция» в русском философском дискурсе было рассмотрено в выступлениях Б.Межуева и А.Павлова. В трактовке русских консервативных философов революция предстает некой трансцендентной силой, являющейся олицетворением погрязшей в скептицизме Европы, которой нечего противопоставить «свободе на баррикадах». Альтернативой и главным оппонентом революции выступает... Россия. Оппозиция *Россия vs революция* красной нитью проходит через отечественный политический дискурс. Согласно заключению Б.Межуева, именно она скрывалась за интернационализмом «отцов» социалистической революции в нашей стране и идеей «перманентной революции». Вместе с тем, как отметил докладчик, с начала XX столетия тяжесть оппозиции все более смещалась от России к революции. Непосредственно перед событиями 1917 г. в России почти не осталось не революционеров.

Тему «перманентной» и «мировой революции» подхватила Е.Лобза. По ее мнению, идея мировой революции была ключевой для «старых» большевиков. Европа обуржуазилась и утратила энергию преобразования, но перед этим она совершила «страшную вещь» - разбудила «Восток», который просто проглотит «Запад», если тому не будет придана дополнительная энергия. Сообщить эту энергию должна революция, топливом для которой станет Россия. Образ «пожара», от которого невозможно спастись, имманентно связан с таким восприятием революции. Интересно, что уже у следующего поколения большевиков тема «мировой революции» сходит на нет, уступая место рассуждениям о «мировом революционном движении», а позднее - о «прогрессивном человечестве». Постепенно идею революции перехватывает либерализм (глобальная демократическая революция), вызывая к жизни так наз. революции «с предикатами» («бархатная», «оранжевая», «революция роз» и т. д.). Смысл предикатов заключается в том, чтобы вытеснить из сознания представления о «революционном терроре». В противовес кровавым революциям прошлого революции «с предикатами» репрезентируют себя как бескровные.

Не меньше проблем было затронуто во время общей дискуссии, в которой, помимо основных докладчиков, приняли участие Е.Надеждина, В.Лапкин и О.Погонина. Было выделено три не вполне соотносимых смысловых комплекса: революция как метафора, придающая политическому действию «прогрессивный», победоносный оттенок; революция как понятие философии и позитивной науки, обозначающее некое «объективное» положение дел; и революция как элемент бытового дискурса и данность (люди просто знают, что идет революция). В последнем случае революция обладает особым - карнавальным - хронотопом. В отличие от «нормальной» (в трактовке Т.Куна), т. е. кабинетной, политики революция — действие площадное. Она принципиально видима. Подобно карнавалу, революция «переворачивает ценности». Трансцендентные политические ценности, находящиеся в области запредельного, «опускаются» до уровня «фамильярного контакта». Возникает возможность их оспорить и отвергнуть, учредить новые. Невыполнение революцией своей учредительной функции ведет к появлению феномена «оборванной революции».

В ходе обсуждения ситуации «славной революции» и событий октября 1917 г. был поднят вопрос: а не может ли революция быть «учреждена задним числом»? Однако поиски ответа на него были перенесены на следующий семинар.

Второй семинар, состоявшийся в феврале 2006 г., оказался более представительным по составу участников. Отличался он и большей теоретической направленностью. Тон задал А.Филиппов, предложивший свое видение революции в контексте теории социальных событий. По его мнению, в рамках сообщества тех, кто выносит суждения о политике, отчетливо выделяются «просвещенные» и «посвященные». Первые обладают статусом наблюдателей (экспертов) и умением анализировать, вторые просто знают, как принимаются политические решения, допущены к их принятию. Для сохранения статуса наблюдателя необходимо выделение особой единицы анализа - события. События связаны не казуально, а индуцируются одно другим. Однако бывают события, которые носят предельный характер и соотносены с прочими как индуцирующие, а не индуцируемые. Таковы события начала и прекращения существования (прежде всего - рождение и смерть), сакральные события и, наконец, события учредительные. К числу последних и относится революция, неизбежно учреждающая новую онтологию («новую землю и новое небо»).

Несколько иную точку зрения представил А.Магун. Ориентируясь на философскую концептуализацию понятия «революция», он трактует события 90-х годов XX столетия как революционные. Согласно его оценке, революция - это не окончание, а начало длительного процесса преобразований, которые одни только и могут привести к подлинному освобождению. Революция разрушает барьеры (стены), разделяющие конфликтующие стороны, и переводит любой социально-политический конфликт во «внутреннюю плоскость». Тем самым запускается меха-

низм самоорганизации, вырабатываются новые, более адекватные формы социальной и политической жизни. В отличие от А.Филиппова, принципиально стоящего на позиции наблюдателя, А.Магун делает из своего анализа и практические выводы. Революция конца 1980-х - начала 1990-х годов была оборвана. Задача российского общества - продолжить ее.

Несколько особняком стояло выступление Е.Надеждиной, сфокусировавшей внимание на использовании революционной символики в массовой культуре, роке, рекламе. Резко негативный смысл слова «революция» в массовой культуре 1990-х годов Е.Надеждина объясняет тем, что понятие «революция» ассоциировалось с отвергнутым политическим строем и было «приватизировано» господствующим дискурсом. Именно поэтому оно и не употреблялось по отношению к событиям начала 1990-х годов. Современный рок, реклама, поп-арт «реабilitируют» концепт революции. За право именоваться революционерами и носителями революционности сегодня ведется все более ожесточенная борьба.

В прениях выступили С.Патрушев, В.Цымбурский, Е.Лобза, А.Антощенко и др. Е.Лобза предложила поразмышлять о замене в современном дискурсе характерных для революционных текстов начала XX в. образов «пожара» и «потопа» образом «волны». С ее точки зрения, этот новый образ существенно смягчает присущие первым двум апокалиптические мотивы.

Основной темой дискуссии стал революционный дискурс в современной России. Согласно оценке В.Цымбурского, главное отличие нынешней ситуации от сложившейся в XVIII-XIX вв. заключается в том, что если в прошлом конфликт возникал между городом и деревней, то сегодня - между городом и мегаполисом. В этом новом конфликте изменились даже не участники, но знаки. В России происходит городская революция. Город наступает на мегаполис.

С.Патрушев выразил сомнение, что событие, даже такое «абсолютное», как революция, может само по себе что-то дать для осмысления политических процессов, происходящих в России. Событие должно быть понято и истолковано. Другой вопрос, что политика сегодня с трудом поддается постижению. Именно в этом, по его мнению (к которому присоединились и другие участники дискуссии), и кроется причина популярности «революционного» дискурса. В настоящее время из политики оказался вытеснен ряд значительных и социально активных группы, в т. ч. различного рода политические эксперты и консультанты, принимавшие деятельное участие в политическом процессе 1990-х годов. Вернуть себе лидерство они могут только через революционную риторику. Это в равной мере касается и левых движений, и правых националистов. Однако если первые не выходят за рамки «теоретических рассуждений», то вторые способны стать реальными глашатаями социального недовольства масс.

Не менее активны в революционном дискурсе и сторонники существующего режима, видящие в «конституировании» революции средство борьбы с ней. Выстраивание «задним числом» из событий конца 1980-х - начала 1990-х годов революции позволяет трактовать антисистемные движения XXI в. как контрреволюционные, тем самым «отнимая» у них энергетику революции.

Семинар не вписывался в жесткие «академические» рамки. Споры выплескивались в кулуары, продолжались во время перерывов. Оно и понятно — революция. Множество тем осталось «на потом». В конце семинара последовало предложение С.Патрушева продолжить обсуждение революционных проблем в формате «виртуальной мастерской»: «Новые пространства политики и способы их изучения». Так что все еще только начинается...